

22. БУСЕНЬКА

Чтобы попасть в немецкий город Гладбек, расположенный неподалеку от Франции и Голландии, надо пересечь всю Германию с востока на запад. Проезжая центральную область страны, я поймал себя на ощущении, что из окна автобуса вижу знакомые картины. Вот у подножия пологого холма, на берегу речушки, в окружении высоких елей, стоит та самая усадьба, по-нашему хутор: трехэтажный дом из старого бурого кирпича, три кирпичных сарая. Хутор не огорожен, к нему, извиваясь, струится узенькая (по сравнению с автобаном) асфальтированная дорожка, которая шестьдесят лет назад была посыпана красноватым гравием.

Я никогда не был в здешних местах, но столько слышал о них от мамы, что смотрю ее глазами и знаю, что от гравийной дорожки ответвляется пешеходная тропинка и ведет к речке, где та расширяется, разливается, образуя песчаный плес, на котором моя будущая девятнадцатилетняя мама теплыми летними днями игралась с трехлетним Петькой и четырехлетней Лизкой, по-ихнему Петером и Эльзой.

В Германии мама пробыла с 1942-го по 1945-й. Не по своей воле. Первый раз, когда в Горск немцы приехали забирать молодежь в Германию, мама убереглась. Хата моей бабушки Ганны стояла рядом с шоссе Брест-Москва, откуда немцы свернули в нашу деревню. Если бы мама находилась в хате, ее обязательно увезли бы. Но мама в тот день помогала по хозяйству родственникам, живущим в дальнем конце деревни, уходящем в лес. Бабушка, опережая немцев, изо всех сил понеслась к родственникам, крикнула дочке: «Маня, берут в Германию, беги в Язвыны!»

Язвыны — лесной островок среди болота, в трех километрах от Горска, туда вела кладочка, в детстве я часто ходил по ней в Язвыны за орехами. Представляю, как мама бежала по кладочке, не замечая острых сучков, проваливаясь в болотную жижу, не боясь ни змей, ни пиявок, боясь только одного: немцев, забирающих в Германию. Мама летела от немецкой неволи так быстро, как я сейчас лечу по немецкому автобану.

Не наловив горских парней и девчат, немцы прислали в семьи официальные бумаги, предупреждающие: если к такому-то числу ваши дети добровольно не явятся на железнодорожную станцию для отправки в Германию, один из членной семьи будет арестован. И маму «добровольно», в слезах и рыданиях, собрали в трехлетнюю дорогу на чужбину.

Прежде чем попасть на только что опознанный мною хутор, мама с группой односельчан полгода работала у помещика. Ему были присущи фашистские наклонности, он поселил остарбайтеров в сарае, кормил плохо, по двенадцать часов заставлял работать в поле, в любую погоду. Если бы я сейчас и вправду узнал то поле, я бы проклял его. На немецком поле, продуваемом со всех сторон, моя мама поздней осенью 1942-го, под холодным дождем, разбивала навоз, простудилась, подхватила бронхиальную астму, мучилась всю жизнь, чтобы в ночь с 10 на 11 ноября 1989 года, в своей хате в Горске, упасть около дивана, не добежав за баллончиком с лекарством, и задохнулась так, что, по свидетельству ее подруги-соседки Зины, утром обнаружившей

маму на полу мертвой и еще теплой, язык полностью вывалился изо рта, и Зина его долго вправляла, а мне, сыну, жалея меня, сообщила через несколько лет после смерти мамы...

Девчата-полонянки сговорились и не вышли на работу. Хозяева вызвали полицейских. Те приехали на велосипедах, стали девчат ругать швайнами и бить. Юзик Позняк, паренек из Горска, кинулся защищать землячек. Полицейские избili Юзика до полусмерти, увезли с собой, он умер в концлагере. Но забастовка полонянок не прошла помещику-фашисту даром. Власти провели расследование. Установили, что он создал невыносимые условия для восточных рабочих. Группу остарбайтеров от него забрали.

Так мама очутилась у другого хозяина, на хуторе, который только что мелькнул перед моими глазами в трехстах метрах справа от дороги, а может, - на другом хуторе, который открылся мне слева от дороги и был как две капли воды похож на первый. Вся центральная Германия воспринималась мною как реальная частичка маминой жизни.

В обязанности служанки входило: убирать дом, смотреть за детьми. В доме ей отвели отдельную комнату, питалась она за одним столом с хозяевами, о которых я не слышал от мамы ни одного плохого слова. Жаль, что не запомнил их фамилию, иначе вышел бы из автобуса, чтобы поблагодарить их наследников за человечность. Знаю лишь, что хозяйку звали Эльзой, в ее честь, конечно же, назвали и внучку, которой нынче чуть за шестьдесят. Привет тебе, Эльза, от русише киндерфрэйлен Мари в моем лице!

Когда отец Лизки и Петьки погиб на восточном фронте, трехэтажный дом наполнился слезами. Те слезы впитала в себя и мама. Как станет рассказывать о «немецких сиротках» (ее выражение) Петьке и Лизке, обязательно заплачет. Дети к ней привязались. На ночь обязательно просили у Мари, чтобы каждому дала бусеньку. Получив в вытянутые губки белорусскую бусеньку, желали моей маме доброй ночи, быстро и счастливо засыпали.

И не существовало национальности у милосердия.

***

Гладбек -- относительно маленький город Рурской области, в нем 80.000 жителей. Здесь самая высокая в Германии плотность населения и самая высокая концентрация гуманитарных проектов, связанных с Беларусью. Здешнюю общину евангелической церкви можно назвать эпицентром современного немецкого милосердия, волны которого достигли Мозыря, Петрикова, Вилейки...

Я знал, что в Гладбеке меня ждут. Немцы позвали меня и моих коллег, чтобы донести белорусам свое возмущение немилосердием белорусских властей к детям, прозванным «детьми Чернобыля». В общинном доме при церкви Гладбека нас встретили: Райле Юнге-Вентруп, Ильзе Энгманн, Клаус Рот, Рольф Эринг, Бернхард Тобиас. Две женщины, трое мужчин. Верю, не обидятся, если скажу, что все они уже немолоды, примерно одного со мной поколения, первого после второй мировой войны.

По моей просьбе в моем блокноте они собственноручно оставили свои имена, адреса, телефоны. То, о чем они говорили, я передаю, не

персонифицируя. Иногда собеседники просили выключить диктофон, опасаясь, что белорусские власти больше не впустят их в Беларусь и, в результате, они не смогут доставить туда гуманитарную помощь. И так, говорят немцы (перевод Игоря Капустина):

«После заявления Лукашенко в ноябре 2004 года о том, что белорусские дети не должны выезжать за границу на оздоровление, чтобы не заразиться коммерческими ценностями, у нас появилась озабоченность. Возник протест общественных организаций Германии. При этом нас удивило, что в Беларуси сомнительное высказывание Лукашенко не вызвало такого возмущения, как в Германии.

Восемь лет подряд мы приглашали на оздоровление детей из Мозыря, затем прекратили, так как возникли проблемы с директором школы. Выяснилось, что он присваивал средства. Направили родителям письмо, объяснили причины нашего отказа. Увы, со стороны родителей возмущение поступком директора последовало не сразу. Мы стали приглашать детей из деревни Мелешковичи. К тому времени директора мозырской школы уволили, и мы снова помогаем детям этой школы.

Живут белорусские дети в немецких семьях. Посещают зоосад, бассейн, культурные учреждения. На неделю отправляем их в Голландию, к Северному морю. Там арендуем дома. Замечаем, как дети свежеют, как наполняются положительными эмоциями. Это радует наши души.

Наши благотворительные союзы и объединения работают на общественных началах, они зарегистрированы в суде. Мы не преследуем материальных целей. Цель -- помочь больным, бедным, матерям-одиночкам, инвалидам.

К сожалению, в Беларуси мы сталкиваемся с невероятными трудностями. На границе машины с гуманитарным грузом могут держать 36 часов. Берут пошлину за продукты, которые мы везем с собой, нам же надо питаться в дороге, в очередях на границе. Недавно таможня проверила наш личный багаж и взыскала за продукты 350 евро. Эти деньги мы собирали у жителей Гладбека для стариков деревни Туловичи. В 2004 году по требованию белорусской стороны мы предоставили 160 страниц документации на лекарства с информацией о производителе и сроке годности. Ответа не получили. Поставки медикаментов в Беларусь пришлось прекратить.

Лукашенко стремится к изоляции страны. По этой причине изолирует от мира детей. Чтобы они не приучались к свободному мышлению. Ваш президент хочет снова закрыть Беларусь железным занавесом. Это опасно для всего мира.

Чтобы мир стал более открытым, совместно с Минским международным образовательным центром мы разработали программу «Встречи со свидетелями событий». Приглашаем сюда бывших жертв национал-фашизма, угнанных в Германию в рабство, узников концлагерей, гетто. Они выступают перед немецкими детьми в школах гражданского мужества. Наши дети должны знать о прошлом, о нацистских злодеяниях. Обмен воспоминаниями приведет к примирению. Сформируется цивилизованное будущее. У детей,

белорусских и немецких, возникнет желание работать над созданием мира без границ и занавесов. Ваши власти этому препятствуют».

Я спросил: действительно ли белорусские дети приобретают здесь, в Германии, потребительские наклонности, как утверждает Лукашенко, озаботившись их «правильным» воспитанием?

«Это не так, -- ответила немецкая женщина. -- Часто наши семьи хотят купить белорусскому ребенку игрушку, одежду, радиотехнику. Спрашивают, какую конкретно. Дети называют вещи, которые увидели в телевизионной рекламе. Обычно это лучшие вещи. Я прошу немецкие семьи: не покупайте очень дорогие марки, объясняйте детям, что есть точно такие, но дешевле. Все дети, и ваши и наши, должны знать цену денег, цену труда. В немецких семьях понимают, что детей надо воспитывать».

Общинному дому Гладбека я подарил тканый белорусский лен с национальным орнаментом и свою книгу «Белорусы между небом и землей», в которой помещено эссе «Немцы». Мне хочется, чтобы немцы знали, как бывшие остарбайтеры Мария и Николай, мои родители, вернувшись в 1945-ом из Германии, привезли домой не вечную озлобленность на немцев, а немецкую культуру, элементы которой внедряли в свою жизнь.

***

Поразительно, мне, журналисту, надо было ехать около двух тысяч километров, в Гладбек, чтобы там получить от немцев документ на русском языке! На моей родине этот документ скрыли от общественности, хотя посвящен он моей родине. Приведу его с небольшими сокращениями:

«Мы, участницы и участники белорусско-немецкой партнерской конференции, проходившей с 11 по 13 февраля 2005 года в Гезеке, с глубоким уважением отмечаем, как много людей на Востоке и на Западе трудятся на благо добрососедского и достойного взаимного существования. Сама белорусско-немецкая партнерская конференция являет тому яркий знак. Это касается большого числа участников -- более 450 человек из Беларуси и Германии, а также зрелых форм партнерства, дружбы и взаимной ответственности.

С чувством благодарности мы оглядываемся на 15 лет сближения и встреч, сотрудничества и совместного поиска. Партнерские связи -- это:

путь примирения между нашими народами,

путь нового знакомства в атмосфере взаимного уважения, ободрения и воодушевления,

путь совместной ответственности за жизнь и будущее.

Вместе с Объединенными нациями нас заботит прежде всего судьба детей, имея в виду сохраняющиеся до сих пор последствия чернобыльской катастрофы. Белорусские дети, в последние годы приезжавшие в Германию на оздоровление, стали своего рода мостом. Они превратились в тысячу маленьких мостиков мира, переброшенных от человека к человеку, от семьи к семье, от города к городу.

Недавние высказывания белорусской стороны по поводу выезда детей на оздоровление привели к протестам в Беларуси и за рубежом. На конференции заместитель министра иностранных дел Беларуси Александр Михневич и представитель департамента по гуманитарной деятельности Оксана Петреня заявили, что оздоровление детей за рубежом и в будущем будет приветствоваться белорусским правительством и найдет продолжение в том масштабе, который имел место до сих пор.

Мы указываем на право и ответственность родителей и пострадавших объединяться для самостоятельной организации отдыха своих детей. Задача государства — разъяснить рамочные условия и создать свободу для инициативы.

Мы, как и Объединенные нации, рассматриваем Чернобыль как постоянный вызов многим поколениям. Принимая во внимание масштабы бедствия по всему миру, активизировать конкретную помощь можно только методом постоянных встреч. Оздоровление детей стало для многих людей за рубежом катализатором и постоянной точкой приложения усилий. Детский отдых стал основной составляющей деятельности более 600 белорусско-немецких инициатив.

Вместе с Объединенными нациями мы принимаем право каждого ребенка на здоровье и напоминаем конвенцию ООН о правах ребенка: «поддерживать и продвигать международное сотрудничество», чтобы реализовать право «находиться в среде, ... способствующей укреплению здоровья ребенка». В детских поездках на оздоровление мы одновременно видим уникальный образовательный шанс межкультурного обучения в объединяющемся мире.

Поэтому мы призываем все немецкие и белорусские власти, занимающиеся оздоровлением детей за рубежом, сделать так, чтобы «дети Чернобыля» смогли выезжать на оздоровление и в дальнейшем, чтобы выстроенные мосты мира не рушились, чтобы успешная работа между людьми и негосударственными инициативами сохранялась и поддерживалась».

Определенные стилевые и лексические особенности указывают на то, что итоговая Резолюция гуманитарной конференции в Гезеке сочинялась на немецком языке и переведена на русский тоже немцами. В тексте имелись ошибки, опiski, повторы, которые мне пришлось исправить.

Неужели к документу не приложили руку белорусские участники конференции, хорошо знающие русский язык? Не могу поверить, что открытые, подчеркнута уступчивые немцы не позволили отредактировать текст. Убедился, насколько прозорлив немецкий взгляд в будущее — взгляд глазами детей, немецких и белорусских.

Мы, белорусы, к такому взгляду еще не готовы. Нас, пострадавших от фашистско-немецких поработителей, можно понять. Немцы, наверно, понимают. Однако нам пора оттаять душой. Иначе мы оттолкнем немцев, оттолкнем от себя мир.

Немцы чувствуют, что белорусский взгляд по-прежнему затмевается ненавистью той далекой войны. Отечественная действительность побуждает нас к злости. Всех наших героев никак не найдут заслуженные боевые

награды. У нас еще не захоронены солдатские косточки, разбросанные по лесам, а немощные ветераны войны только недавно получили в достатке дрова и торфобрикеты. Может, поэтому наши старики, бывшие воины, не позволяют белорусам на своей территории заботиться о могилах немецких солдат с тем милосердием, с каким немцы на своей территории заботятся о могилах солдат советских?

Если мы, белорусы, шестьдесят лет мстим бывшим врагам, даже мертвым, то куда уж нам впустить в сердце их детей, сумевших обустроить свою жизнь лучше, чем мы, победившие их в 1945-ом. За отсутствием новых побед мы восстановили под Заславлем «оборонительную линию Сталина», мы живем прошлой войной, мы готовы продлить ее в бесконечность, обвинив бывших врагов в «потребительском растлении» наших детей.

Авторитарность проще всего проявить к детям, потому что ее всегда можно обосновать воспитательными целями. Резолюция, принятая в Гезеке, напомнила белорусскому домострою о том, что у детей есть право на здоровье, право на приобщение к мировой культуре, право на выбор свободы. И даже — на выбор страны, как бы это ни пугало «всенародноизбранного» воспитателя квасного патриотизма.

***

В Берлине я перекусывал в маленьком кафе. За соседним столиком ели мороженое мама и сын годика на три. Мальчик что-то неумолчно щебетал маме по-немецки, смеялся. Вдруг выпятил губки и сказал то, что я понял мгновенно: «Гиб мир бусеньку!» Мама наклонилась и поцеловала сына.

Сердце мое забило в волнении. Я услышал свою маму. Передо мной были дочь и внук четырехлетней Лизки, немецкой сиротки, которой моя мама перед сном давала бусеньку. Эльза передала белорусское слово дочери, а дочь — своему сыну. Я понимал, что вероятность подобной встречи практически нулевая, однако поэтическое предположение отбрасывать не хотел.

Приехав домой, посмотрел в словарях. В русском и белорусском языках слова «буська», «бусенька» отсутствуют. Но ведь в разговорной речи они есть. Словосочетание «забуськанный мальчик» я однажды использовал в своем тексте.

В немецком словаре значится слово *Bussel*, поцелуй. Возможно, немцы придумали ему ласкательную форму, которая когда-то пришла к нам как «буселька», со временем ставшая «бусенькой».

Так и гуляет бусенька из страны в страну, от мамы к дитяти. И нет бусеньке преград и пределов.

2005